

Н. В. Малиновская

преподаватель

Воронежский государственный университет

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ПРАВОПОНИМАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная теоретико-правовая наука в стремлении найти единый подход к осмыслению права и подвести под общий знаменатель многочисленные концепции правопонимания все чаще обращается к идеям интегративной юриспруденции — феноменологии, экзистенциализму, коммуникативной теории права и философской герменевтике.

Термин «герменевтика» имеет глубокие исторические корни и берет начало от греческого слова ἐρμηνευτική (понимавшегося как искусство истолкования или объяснения), которое, в свою очередь, происходит от глагола ἐρμηνεύειν. С греческого его можно перевести как: 1) говорить, высказывать, выражать; 2) толковать, интерпретировать; 3) переводить¹. Каждый из этих актов — разговор, толкование, перевод имеет целью передать суть, смысл используемой речевой конструкции. Поэтому в самом общем виде герменевтику можно определить как «истолкование» или «интерпретацию».

Необходимость толкования и выяснения подлинного смысла имеет место везде, где задействованы средства языка, независимо от того, идет ли речь об устной или письменной форме их выражения. Впервые потребность в интерпретации как целенаправленной деятельности возникает в связи с необходимостью выяснения истинного смысла Священного писания и развивается в толковании библейских текстов (экзегезе). Начало данному толкованию положила сугубо практическая необходимость: десяти заповедей и их незначительной конкретизации в последующих текстах Библии было явно недостаточно для регулирования различных сфер жизни древнееврейского народа. Каждый раз при возникновении спорной ситуации дело разрешалось посредством толкования норм Священного писания и выведения частного смысла из общей формулы. Право интерпретации, принадлежавшее изначально Моисею, позднее переходит к старейшинам и специально избранным лицам². Тем не ме-

¹ См.: Вольский А. Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 5.

² Видя физическую неспособность Моисея разрешить все споры, с которыми к нему обращались, его тесть, медианитский жрец Иофор, посоветовал распределить функции суда (и соответственно право толкования норм Священного писания) между людьми «способными, боящимися Бога, правдивыми, ненавидящими корысть» и поставить их «тысячачальниками, стоначальниками, пятидесятиачальниками, и десятиачальниками» над народом, оставив за собой прерогативу разрешения лишь наиболее трудных дел (Исход, 18).

нее отдельного учения о толковании это не порождает — к интерпретации прибегали по мере практической надобности, и каких-либо специальных правил толкования не существовало.

Не было этих правил и в эпоху Античности, хотя в платоновском «Кратиле» уже с философских позиций осмысливается идея необходимости толкования и говорится о существовании самостоятельного языка духовного мира — языка божественного, который недоступен для понимания простым смертным, а потому для его понимания нужен посредник (герменевт)³. «Герменевтами богов» Платон называет поэтов. Дальнейшее развитие античная герменевтика получает в труде Аристотеля «Об истолковании», где рассматривается проблема истинности и ложности утвердительного высказывания. В отличие от Платона, Аристотель связывает герменевтику уже не с поэзией, а с логикой. Так или иначе, но оба мыслителя делают акцент на практической стороне понимания, необходимости применять и формировать способности к суждению, аргументации, умению «держать речь», в связи с чем целостного учения о толковании их труды также не образуют.

Концептуальное значение герменевтика приобретает у стоиков в рамках учения о толковании мифов. Акт истолкования был необходим, с одной стороны, в связи с расхождением между внутренней и внешней речью, с другой — в связи с поиском объяснений смысла предания. Извечный вопрос теологии — каким образом от Божества может исходить зло — разрешался ими путем иносказательного толкования мифов. Стоики первыми использовали метод аллегии, ставший впоследствии одним из основных в христианском учении.

Надо признать, что мощным толчком для развития герменевтики стала необходимость толкования Библии, только уже в эпоху средневековья и в рамках конкретизации текстов Священного писания в трудах известных богословов с целью поиска компромисса между ними и собственно библейским учением. Столь динамичному развитию науки толкования священных текстов в данный период способствовал ряд причин. Во-первых, сама Библия как «целый мир идей и образов, целый организм, впитавший в себя множество традиций», имеющий собственную символику, язык, структуру. Истина в библейских текстах отнюдь не лежит на поверхности, но требует глубокого и разностороннего подхода в изучении⁴. Во-вторых, в III—II вв. до н.э. был осуществлен перевод Ветхого Завета с иудейского языка на греческий, потребовавший переосмысления иудейских понятий и истолкования их на греческий лад, с использованием доступных для правильного понимания аналогов. В-третьих, Ветхий и Новый Завет являются произведе-

³ Согласно одной из версий, этимологические корни термина «герменевтика» восходят к древнегреческому богу Гермесу, которому мифология приписывает функции провозвестника божественной воли людям, своеобразного интерпретатора, разъясняющего смысл божественных откровений простым смертным.

⁴ См.: Мень А. Исагогика // (<http://www.krotov.info/library/m/menn>).

ниями различных эпох, требующими их смыслового и исторического сопоставления, а также устранения противоречий между ними и высказываниями святых отцов Церкви. Как уже отмечалось, толкование библейских текстов получило наименование *экзегезы* и представляет собой самостоятельную сферу знаний — теологическую герменевтику. Экзегетика (как наука о толковании сакральных текстов) с течением времени выработала собственный строго определенный арсенал методов толкования, к числу которых относятся аллегорический, буквальный (иногда трактуемый как исторический), нравственно-гомилетический (назидательный), типологический (метод прообразов) и так называемая «библейская критика»⁵.

В связи со спецификой изложения и языковой экспрессией отдельные ученые подчеркивают необходимость глубокого герменевтического анализа библейских и художественных текстов в противовес законодательным актам, отмечая, что в юриспруденции допустим лишь ограниченный набор средств толкования. Это касается, в первую очередь, аллегорического метода толкования, который, будучи основным в теологии и филологии, недопустим в правовой науке. Считается, что экзегетика и филологическая герменевтика имеют обширную теоретическую, философскую основу, в то время как для права большее значение имеет практический аспект исследования.

В частности, Ю. И. Козлихин полагает, что юристы изначально призваны заниматься «традиционной герменевтикой», а не блужданием в дебрях философского познания. Кризис философии модерна и невозможность примирить противоборствующие концепции позитивного и естественного права заставили многих правоведов искать «другие плоскости» правопонимания, которые (за невозможностью обнаружить истину в конкретном) основывались бы на неких общих, метаюридических началах⁶. В результате интерсубъективный подход и герменевтика как одно из его ответвлений стали рассматриваться в качестве некоей панацеи, способной создать универсальную теорию права, которая возвышалась бы над извечной полемикой позитивизма и юснатурализма и с большими основаниями могла бы претендовать на постижение истины в проблеме понимания права. Излишнюю приверженность нетрадиционным подходам к правопониманию И. Ю. Козлихин подвергает критике: «Казалось бы, именно ... традиционная герменевтика, весьма популярная сегодня у литературоведов и искусствоведов, должна привлечь внимание российских юристов. Однако нет, привлекает философская герменевтика», имеющая к праву «весьма опосредованное отношение»⁷. Упрек справедливый, но не в такой мере, чтобы полностью отказаться от использования достижений философской герменевтики в теоретико-правовой науке.

⁵ Мень А. Указ. соч.

⁶ См.: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2.

⁷ Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 32.

В первую очередь это обусловлено признаваемым многими отечественными правоведами (в том числе самим И. Ю. Козлихиным) мнением, согласно которому теория права в настоящее время изживает сама себя. Российская теоретико-правовая наука прочно связана с советским фундаментом, исследовательская база которого ограничена узконормативистским подходом, и за его рамки российским правоведам до сих пор бывает крайне затруднительно выйти. Поэтому предлагаемая взамен, в том числе и И. Ю. Козлихиным, дисциплина философии права, как она преподавалась в университетах дореволюционной России, должна включать в себя разнообразные философские концепции правопонимания, поддерживая тем самым плюрализм взглядов и обеспечивая динамику развития научной мысли.

Во-вторых, правильное и эффективное применение в правоведении достижений герменевтики в целом невозможно без знания фундаментальных основ философской герменевтики. Последняя представляет собой сущностное учение не столько о толковании (в смысле толкования-разъяснения, как этот термин эксплуатируется юридической наукой), сколько о феномене понимания. Философская герменевтика смещает акценты на то, как и за счет чего становится возможным понимание вообще и понимание отдельных, специализированных текстов в частности.

Наконец, не следует забывать, что философия испокон веков считается «матерью наук», которые отделялись от нее по мере накопления опытного и теоретического материала. Поэтому разработка правоведами философских основ герменевтики позволит вернуться к истокам и сформировать в итоге юридическую герменевтику как целостное учение с самостоятельной теоретической и методологической основой.

По сей день неоднозначным остается ответ на вопрос, как понимать герменевтику — как метод познания или целостное научное направление. Изначальное формирование в качестве практики толкования текстов надолго закрепило за ней в первую очередь методологический характер. Однако накопление опыта и значительного количества методов исследования в рамках самого процесса толкования способствовало все более уверенному продвижению герменевтики в число самостоятельных наук, поэтому в настоящее время в теории права она развивается в качестве отдельного научного подхода к правопониманию.

Из всего вышесказанного логически следует, что термин «понимание» является одной из ключевых герменевтических категорий наряду с такими понятиями, как «язык», «текст», «автор», «смысл», «герменевтический круг». В связи с этим хотелось бы отметить, что термины «понимание» и «истолкование» («интерпретация») не могут и не должны использоваться как взаимозаменяемые⁸, поскольку понимание

⁸ Такое их употребление допускает А. И. Овчинников (см.: Овчинников А. И. Юридическая герменевтика как правопонимание // Правоведение. 2004. № 4. С. 160).

представляет собой *результат* процесса истолкования, вероятность достижения которого, как и любого результата вообще, изначально неизвестна. Процесс толкования может не завершиться пониманием толкуемого по целому ряду причин, будь то специфика содержания текста (речи), значительный разрыв во временных рамках между актами создания и толкования текста и т.д.

Разработке проблемы *понимания* значительное внимание уделяли такие известные ученые, как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер и др. Они рассматривали всё человеческое бытие как непрерывающийся процесс понимания, что обуславливает его сущностный, онтологический характер.

Вопрос об общих условиях возможности понимания первым поставил известный протестантский богослов и философ Ф. Шлейермахер, заявив, что понимание является единственной задачей герменевтики в противовес господствующему до этого рассмотрению ее как методологического учения⁹. Есть некоторые мнения, согласно которым центральной в герменевтике проблему понимания сделал предшественник Шлейермахера Ф. Аст¹⁰ (первый неоднократно полемизирует с ним на страницах своих сочинений). Тем не менее именно Шлейермахер считается одним из родоначальников философской герменевтики как самостоятельной дисциплины; его заслугой, в частности, является определение герменевтики как *искусства понимания*. Шлейермахеру также принадлежит тезис «понимать лучше автора». Возможно, именно он послужил основанием для следующей научной полемики, где И. Ю. Козлихин недоумевает по поводу высказанного А. И. Овчинниковым тезиса о сути новизны юридической герменевтики: «если ранее считалось необходимым установление того, что хотел сказать в тексте законодатель, то теперь эта задача видится не решаемой в принципе»¹¹. Утверждение звучит резко лишь на первый взгляд. Смысл его в том, что, поскольку в результате истолкования необходимо вплетаются домыслы и суждения интерпретатора, мы не сможем выделить из текста авторский смысл в чистом виде. Но это не означает принципиальной невозможности понять автора — другое дело, что авторский смысл будет смешиваться с привнесенными в него в процессе толкования мыслями интерпретатора. Последние при этом способны даже обогатить смысловое содержание текста. Так, Й. М. Кладениус (опубликовавший труд «Введение к правильному толкованию разумных речей и текстов») утверждал, что автор выражает в тексте свое («ограниченное») знание о предмете, и читатель может в постижении

⁹ См.: История мировой философии: Учеб. пособие / Под ред. В. Д. Губина и Т. Ю. Сидориной. М.: Астрель, 2007. С. 432.

¹⁰ См.: Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. С. 41.

¹¹ Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2002. С. 135—136.

предмета превзойти самого автора¹². Виднейшие исследователи герменевтики всегда стремились выйти за границы понимания смысла в рамках мышления одного человека и обосновывали влияние других факторов на проявляющий себя в текстуальном изложении смысл. Тезис Шлейермахера «понимать лучше автора» означает необходимость учитывать в процессе понимания особенности языка как самого автора, так и его эпохи, а также «историю времени автора» как единого целого¹³.

Другой значимой категорией философской герменевтики наряду с «пониманием» является «предпонимание» у Х.-Г. Гадамера или «предчувствие целого» у Ф. Шлейермахера. Еще Ф. Аст, указывая на сложность и длительность данного акта, рекомендовал начинать понимание с «предчувствия целого», которое Шлейермахер поясняет как возможное наличие вступительного слова в тексте. Именно из него мы можем получить представление о том, что нам от данного текста можно ожидать еще до того, как приступим к его прочтению. Применительно к юриспруденции таковым может служить преамбула к закону, в которой в общем виде определяется его целевое предназначение. Помимо вступительного слова предпониманию могут способствовать определенные указания и обзоры, делаемые автором по ходу текста. Однако Шлейермахер справедливо замечает, что древнегреческим мыслителям не было известно о таких вспомогательных уловках, тем не менее предпонимание у них каким-то образом формировалось. Вполне возможно, что оно складывалось исходя из общих сведений об авторе (начиная с его имени и представлений о нем) и сведений о «роде и виде» самого текста¹⁴. Тем самым мы, вероятно, можем получить предпонимание и без специальной текстовой атрибутики, за счет известных нам общих представлений об авторе или типе письменного документа.

По мнению Х.-Г. Гадамера, предпонимание развивается на основе совокупности предрассудков и «пред-суждений», из которых формируется так называемый «горизонт понимания»¹⁵. Ключевым в данном случае является понятие *предрассудка*, которое не имеет здесь традиционного для обыденной речи негативного оттенка. Под предрассудком Гадамер понимает «суждение, которое имеет место до окончательной проверки всех практически определяющих моментов». Таким образом, это суждение не имеет заранее заданного ложного характера, однако впоследствии может получить как позитивную, так и негативную оценку. Конечно, в процессе понимания бывает задействована и другая сторона предрассудка —

¹² См.: Вольский А. Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 34.

¹³ См.: Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004.

¹⁴ См.: Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года // Метафизические исследования. СПб., 1998. Вып. 3, 4.

¹⁵ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

негативный пережиток прошлого, тормозящий процесс понимания. Их необходимо отличать от «законных предрассудков», преодоление которых при помощи критического разума не требуется¹⁶.

Предпонимание непосредственно связано со следующим важным понятием — «герменевтическим кругом», или «кругом понимания». Его суть заключается в том, что общее может быть понято из отдельного, а отдельное, в свою очередь, — из общего. Таким образом, мы имеем дело с замкнутым кругом, только разорвав который мы сможем достичь понимания.

Ф. Шлейермахер поясняет это следующим образом. В качестве части или отдельного рассматривается отрывок произведения, в качестве общего — все произведение. При постепенном прочтении произведения вначале мы имеем о нем лишь весьма абстрактное представление, степень абстрактности которого зависит от той информации, которую мы можем получить, еще не начав чтения. Прочитав один отрывок, наше сознание нарисует нам одну картину понимания, прочитав следующий — другую. Причем прочтение каждого последующего отрывка будет изменять наше мнение о каждом из ранее прочитанных. И когда, наконец, мы прочтем произведение полностью, у нас сложится конечное понимание текста. Опять же, определение конечности понимания здесь весьма условно, потому что по окончании чтения всегда присутствует элемент ретроспективного анализа — мысленного возвращения и переосмысления сквозных моментов прочитанного произведения на основе уже понятой его общей идеи. Войти в герменевтический круг легче, чем выйти из него, ибо условием осуществления выхода является полная дешифровка, т.е. полное понимание текста. Для достижения этого есть несколько рекомендаций: во-первых, формирование предварительного представления, исходя из «общего знания языка»; во-вторых, использование оглавления, если таковое дается автором; в-третьих, и главных, необходимо найти те «руководящие идеи, в соответствии с которыми следует сообразовать все остальное»¹⁷.

Поскольку герменевтика представляет собой процесс истолкования либо устной речи, либо текста, то при ее изучении мы не сможем уйти от рассмотрения понятия *языка*. Герменевтическая мысль давно пришла к выводу, что не только процедура понимания людьми друг друга, но и весь процесс понимания — явление языковое. «Понимание есть проблема языковая, и оно достигается (или не достигается) в медиуме языковости»¹⁸. Даже такие, казалось бы, внешне неязыковые явления, как «красноречивое молчание» или «немотствующее удивление» Гадамер полагает находящимися в «модусе языковости». В данном

¹⁶ См.: История мировой философии: Учеб. пособие / Под ред. В. Д. Губина и Т. Ю. Сидориной. М.: Астрель, 2007. С. 437—443.

¹⁷ Шлейермахер Ф. Герменевтика // *Общественная мысль*. 1993. Вып. IV.

¹⁸ Гадамер Х.-Г. *Язык и понимание* // *Актуальность прекрасного*. М.: Прогресс, 1991. С. 43.

случае мы не просто молчим — что-то лишает нас дара речи. И это происходит отнюдь не от нежелания разговаривать. Напротив, объем информации, которую мы хотели бы передать, настолько велик, что в итоге ни одно из соображений мы не можем высказать вразумительно. Поэтому Гадамер и заключает, что «сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи». И это не только не кладет конец говорению, но есть лишь небольшая заминка на пути к скорейшему словесному изложению своих мыслей. С феноменом языка, по Гадамеру, связаны такие понятия, как монолог и диалог (разговор). В самом деле, понимание между говорящими отсутствует, когда имеют место два параллельных друг другу монолога. Суть процесса диалога состоит в том, что один вслушивается в слова другого, стремится услышать и, соответственно, понять их. А услышать, понять другого, по мнению Гадамера, — значит попытаться усилить аргументы собеседника. Итогом диалога никак не может быть статичное состояние говорящих. Из диалога собеседники всегда выходят измененными¹⁹. И только простое сложение мнений, без попытки проникнуть в мысли другого и самому проникнуться ими, способно оставить говорящих в первоначальном положении и никак не подействует их развитию.

Указанные положения философской герменевтики могут найти свое непосредственное применение в юриспруденции. Очевидно, что проблема предпонимания юридического текста вполне аналогична философской и может быть разрешена посредством преамбулы или пояснения терминологии. «Герменевтический круг» присутствует в понимании законодательных актов так же, как и в художественных или философских произведениях, и особенно актуален применительно к документам, содержание которых разделено на общую и особенную части. Но следует признать, что юридическая сторона герменевтики нуждается в разработке. И многие авторы занимаются изложением философских идей без их переработки применительно к юридической науке. Излишняя эйфория по поводу появления нового, нетрадиционного подхода к рассмотрению общеизвестных понятий неуместна, равно как недопустимо и его поспешное, «шапочное» изложение. Однако согласиться с И. Ю. Козлихиным в том, что герменевтике следует заниматься исследованием исключительно исторических правовых памятников, нельзя. Так мы будем лишь переходить от одной крайности к другой, в то время как следовало бы применить метод «золотой середины», разрабатывая философские идеи под юридическим углом зрения.

В том же ключе может рассматриваться и такое направление научной мысли, как феноменологическая герменевтика, ориентированное на онтологический анализ и выявление аподиктических основ бытия в сочетании с процессами понимания и толкования. Уже сейчас из ряда

¹⁹ См.: Гадамер Х.-Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. М.: Прогресс, 1991. С. 48.

работ герменевтического толка следует, что идеи философской, феноменологической герменевтики могут применяться для понимания языковых явлений настоящего. Трудности в понимании отнюдь не обязательно сопряжены лишь с историческим характером текста. Даже двое говорящих одного возраста, уровня интеллектуального развития и образования зачастую оказываются не способными понять друг друга. Тем более сложный процесс представляет собой понимание юридического текста, смысл которого сочетает в себе субъективное человеческое и высшее моральное начала. Поэтому отказываться от использования дополнительных философско-феноменологических ресурсов познания нецелесообразно. Другое дело, что увлеченность герменевтикой, равно как и другими междисциплинарными подходами к праву, не должно отодвигать на второй план собственно правовую тематику исследований. Междисциплинарные подходы приветствуются, если они «углубляют наше знание о праве, а не о предмете тех наук, к которым мы обращаемся»²⁰. Для каждой науки велика ценность новых веяний, ибо истина рождается в спорах, а споры подогреваются новыми аргументами. В связи с этим герменевтический исследовательский подход в совокупности с феноменологией и экзистенциализмом при их разумном применении способны обогатить и вдохнуть новую жизнь в теоретико-правовую науку.

²⁰ Козмихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31.